

Анатолий КРАСНОВ-ЛЕВИТИН (1915 – 1991)

РУК ТВОИХ ЖАР *(отрывок из воспоминаний)*

Вышел из вагона. Люди спешили в город. А мне спешить некуда. Остановился на вокзале. Переночевал. Дорогой украли валенки. В опорках.

Утром пошёл получать по рейсовым хлеб. Видик был, видимо, неважный. Какой-то мальчишка мне сказал: «Дедушка, вы последний?» Озлившись на него за столь почтительный, но несколько преждевременный в мои двадцать семь лет эпитет, прикрикнул со свойственной мне грубостью: «Ка-

кой я тебе дедушка, выродок?» И взял хлеб.

Позавтракал на вокзале, пошёл в город. Город чудесный. Тихий-тихий. Улицы длинные-длинные. Всё допотопное.

Главная улица – Гончаровская. На одном из домов мемориальная доска: «Здесь в 1812 году родился Иван Александрович Гончаров». В двадцати километрах – село Кондобье, усадьба Гончаровых, очень точно описанная в «Обрыве».

Город на холмах, между Волгой и Свиягой. Открыт всем ветрам. Кто-то сделал в незапамятные времена из этого каламбур: «Симбирск – семь бореев».

Теперь он называется Ульяновск, уже давно. Спрашивал, где родился Ленин. Представьте, никто не знает. Лишь потом узнал: на улице Ленина. Но и на этой улице никто не знал. Хороший, уютный, чистенький домик – типичное дворянское гнездышко.

А на старинном заброшенном кладбище похоронен его отец. Гробница с тяжёлым чугунным крестом, с надписью: «Свет Христов просвещает всех». На гробнице много надписей из Священного Писания.

Был здесь через семнадцать лет, летом 1960 года. Теперь всё по-другому. Город лакированный, превращённый в музей, приспособленный для туристов. Никого из тех, кого знал, не застал. Все на кладбище. Походил по этому новому Ульяновску. Вздохнул. Стало жалко того тихого, наивного и такого русского-русского Симбирска...

Сделал привал в Доме крестьянина, на главной площади, где рынок. Дом крестьянина – в старинном доме. Сохранилась ещё на воротах полустёртая надпись «Постоялый двор».

В комнате – двадцать человек. Переспал. Пошёл наутро бродить по городу. Зашёл в большой дом, бывший банк, на главной улице. Ленинградская – раньше, конечно, она называлась Петербургской, – а параллельно ей, где дом покойного действительного статского советника Ульянова, – Московская, теперь улица Ленина.

Толкнулся насчёт работы. Начальница горздрава оказалась на редкость симпатичной женщиной. Сразу меня оформила заведующим Домом несуществующего санитарного просвещения. Прощаясь, сказала, отводя глаза: «Мне вас жаль. У вас же ничего нет». Я в ответ тоже потупил глаза. Неприятно, когда жалеют.

Дали мне направление в больницу, к главному

врачу, чтобы выдал мне ботинки. Выписали мне бутсы – видимо, какого-то умершего солдата. Оказались мне не по ноге, малы. И сразу же отморозил ноги.

На другой день пошёл в адресный стол, справился об адресе Александра Ивановича Введенского. Тотчас дали: улица Радищева, 106. Пришёл, открыла дверь миниатюрная, очень интересная блондинка. «Можно ли видеть владыку?» – «Как ему сказать?» Назвал себя. Пошла, сказала.

Сразу вышел сам. Расцеловался, обнял. Сказал: «Извините, сейчас у меня два священника. Минуточку подождите». И усадил меня на кухне. Больше усадить негде. Через минуту отпустил священников, ввёл меня в комнаты. Начался откровенный дружеский разговор...

О Введенском писал много раз. Первый раз в 1952 году в лагерях. О жизни в Ульяновске. Прочёл своему другу, теперь уже тоже покойному, Евгению Львовичу Штейнбергу. Тот улыбнулся, сказал: «Слушайте, это же невозможно, это игра актёра с вещью. Знаете такой режиссёрский термин?» – «Знаю, но причём здесь это?» – «А при том, что вы актёр, а Введенский – вещь. Вы же пишете о себе, а не о Введенском». Я засмеялся, разорвал написанное. Впоследствии в «Очерках по истории церковной смуты» и в «Закате обновленчества», кажется, отделался от этого порока. Писал о Введенском вдоволь. Ну, и хватит.

Теперь я могу опять вернуться к игре актёра с вещью. А игра неважная. Тяжело пришлось.

* * *

27 сентября 1943 года уезжал из Ульяновска пароходом, по Волге. У пристани встретил врача, с которым работал в горздраве. Он спросил: «Сколько вы здесь пробыли?» Каламбур родился сам собой: «Девять месяцев. Роды были тяжёлые, болезненные и неудачные: гора родила мышь».